DOI: 10.31249/rsm/2024.01.14

Р.И. Сефербеков, М.Р. Сефербеков, О.Б. Халидова

СОВРЕМЕННЫЙ БРАК И СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ОБРЯДЫ РУССКИХ ГОРОЖАН ДАГЕСТАНА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ[1]

Аннотация. *Статья посвящена изучению традиционного и нового в современном браке и обрядах жизненного цикла русских, проживающих в городах Дагестана. Источником выступил полевой этнографический материал, собранный в июле 2023 г. в дагестанских городах исконного компактного и дисперсного проживания русского населения – Кизляре, Махачкале, Каспийске и Дербенте – в этноконтактных зонах соприкосновения и взаимодействия русских с горским и тюркским населением Дагестана и др. Впервые вводятся в научный оборот данные о браке, свадебных, родильных и похоронных обрядах русского городского населения Дагестана, их трансформации в новейшее время с выявлением традиционного пласта и появившихся под влиянием глобализации и социокультурных процессов конца XX – первой четверти XXI в. новых обычаев, а также влияния христианской религии и иноэтнического воздействия дагестанцев-мусульман. Представлены результаты использования историко-сравнительного, ретроспективного и этнологических методов исследования. Авторы приходят к выводу, что современный брак и семейно-бытовые ритуалы русского населения городов Дагестана представляют собой сложный комплекс обрядов жизненного цикла, сохраняющих свою этническую, религиозную и культурную идентичность, но подвергшихся определенной трансформации под влиянием глобализации, социокультурных процессов, христианской религии и иноэтнического окружения.*

Ключевые слова: *семейно-бытовые обряды; дагестанские русские; города Дагестана; традиции и инновации.*

Сефербеков Руслан Ибрагимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Россия, Махачкала.
E-mail: ruslan-seferbekov@yandex.ru
Orcid: 0000-0002-0901-8499

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00208, https://rscf.ru/project/23-28-00208/.

Сефербеков Магомедхабиб Русланович – младший научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Россия, Махачкала.
E-mail: mhabib-seferbekov@mail.ru
Orcid: 0000-0001-5714-8178

Халидова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Россия, Махачкала.
E-mail: o.khalidova2011@mail.ru
Orcid: 0000-0002-3454-9427

Seferbekov R.I., Seferbekov M.R., Khalidova O.B. Modern marriage and family and everyday rituals of Russian citizens of Dagestan: traditions and innovations

Abstract. *The article is devoted to the study of the traditional and the new in modern marriage and rituals of the life cycle of Russians living in the cities of Dagestan. It is based on field ethnographic material collected in July 2023 in the Dagestan cities of the original compact and dispersed residence of the Russian population – Kizlyar, Makhachkala, Kaspiysk and Derbent – in the ethno-contact zones of contact and interaction between Russians and the mountain and Turkic population of Dagestan, etc. Introduced in scientific circulation for the first time is data on marriage, wedding, maternity and funeral rites of the Russian urban population of Dagestan, their transformation in modern times, accompanied by the identification of the traditional layer and the customs that appeared under the influence of globalization and socio-cultural processes of the late 20th – first quarter of the 21st century, as well as the influence of the Christian religion and the foreign ethnic influence of Muslim Dagestanis. The article presentes the results of using historical-comparative, retrospective and ethnological research methods. The authors come to the conclusion that modern marriage and family rituals of the Russian population of the cities of Dagestan represent a complex set of life cycle rituals that preserve their ethnic, religious and cultural identity, but have undergone a certain transformation under the influence of globalization, sociocultural processes, Christian religion and foreign ethnic environment.*

Keywords: *family and everyday rituals; Dagestan Russians; cities of Dagestan; traditions and innovations.*

Seferbekov Ruslan Ibragimovich – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Russia, Makhachkala.
E-mail: ruslan-seferbekov@yandex.ru
Orcid: 0000-0002-0901-8499

Seferbekov Magomedhabib Ruslanovich – junior researcher employee of the Dagestan Federal Research center of the Russian Academy of Sciences. Russia, Makhachkala.
E-mail: mhabib-seferbekov@mail.ru
Orcid: 0000-0001-5714-8178

Khalidova Olga Borisovna – candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Russia, Makhachkala.
E-mail: o.khalidova2011@mail.ru
Orcid: 0000-0002-3454-9427

Введение

Традиционная культура русских связана с крестьянским типом хозяйства, и его наличие, в свою очередь, является условием её воспроизведения [Соколова 2013, с. 195]. Однако в городах Дагестана сформировался свой вариант воспроизводимой городской культуры русских [Сефербеков и др. 2021], частью которой являются брачные и семейно-бытовые обряды.

Целью нашего исследования является освещение традиционного и нового в браке и семейно-бытовой обрядности русских горожан Дагестана. В последние 35 лет брак и семейно-бытовые обряды трансформировались под влиянием глобализации и социокультурных процессов конца XX – первой четверти XXI в., а с середины 90-х годов XX в. в них ощутимо влияние христианской православной культуры. Однако несмотря на это сохранились основная структура и содержание традиционной обрядности, в которую в последние десятилетия органично влились и некоторые новые обычаи.

Учитывая то обстоятельство, что русские всегда являлись одним из наиболее урбанизированных этносов Дагестана, для изучения нами было избрано русское население городов Кизляр, Махачкала, Каспийск и Дербент. Первые три города всегда отличались высоким процентом русского населения. Кизляр и Дербент являются крайними северным и южным городами республики – зонами этнокультурных контактов русских с горским населением, а также с кумыками, ногайцами, армянами, азербайджанцами, горскими евреями и татами.

Обряды жизненного цикла русских Дагестана и субэтноса русского народа (см.: [Трут 2016, с. 259–262]) – терского казачества – были предметом исследования кавказоведов [Газиева и др., 2023, с. 142–173; Заседателева 1974, с. 287–358]. В Северном Дагестане, на Кизлярщине, где нижнетерское казачество расселилось еще со второй половины XVI в., русских и казаков всё-

таки различают до сих пор; казачество Дагестана выделяется большей консервативностью в сохранности традиций в культуре и быту[2].

В новейший период традиционные брак, семья, свадебные, родильные и похоронные обряды русских Дагестана стали предметом исследования дагестанских историков и этнологов [Ризаханова 2001, с. 84–123; Лугуев и др. 2002, с. 548–552].

При написании статьи нами были использованы историко-сравнительный метод, давший возможность сопоставить обряды жизненного цикла русских горожан Дагестана в различные (дореволюционное, советское и Новейшее время) исторические периоды в разных городах республики и в сравнении с таковыми у других дагестанцев; ретроспективный метод сделал возможным обратиться к традиционным семейным обычаям русских (и др. славян) при описании их современных форм. Также применены методы этнологии – опроса, интервьюирования, включенного наблюдения.

Полевой этнографический материал[3], собирался в июле 2023 г. в дагестанских городах исконного компактного и дисперсного проживания русского населения – Кизляре, Махачкале, Каспийске и Дербенте – в этноконтактных зонах соприкосновения и взаимодействия русских с горским и тюркским населением Дагестана. Полевой материал хранится у авторов.

Новизна нашего исследования заключается в том, что комплексное сравнительное описание брака и семейно-бытовых обрядов русских горожан Дагестана в настоящее время с фиксацией традиционного пласта и новых обычаев проводится впервые. Материалы настоящего исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории и этнологии русских Дагестана и Северного Кавказа конца XX – первой четверти XXI в.

Брак и свадебные обряды

Семья по-прежнему занимает важное место в иерархии ценностей россиян. Для большинства российской молодежи наличие семьи и детей является важным показателем жизненного успеха [Горшков и др. 2010, с. 130–131]. Люди стремятся к созданию максимально эффективных, психологически комфортных семейных отношений, реализуя свои представления о семейном счастье. Новые семейные отношения и ценности в России формируются под влиянием изменившихся социально-экономических отношений, которые закрепляют в обществе новую модель поведения – эгалитарную [Верещагина и др. 2013, с. 70], предполагающую отход от традиционной модели семьи и

2. Инф. Лысенко Юлия Михайловна, русская, 1978 г. р., ученый секретарь Института ИАЭ ДФИЦ РАН, кандидат исторических наук.

3. Список информаторов приведен в конце статьи.

равенство гендерных ролей в браке. Указанные процессы (престижность нахождения в браке, создание семьи, популярность эгалитарного типа семьи и семейных отношений) характерны и для русских горожан Дагестана.

Следует отметить, что свадебная обрядность русского населения Дагестана транслировала брачно-семейные отношения великорусского населения, сохранившиеся в Северно-Кавказском регионе на новых местах расселения русских [Лугуев и др. 2002, с. 549]. Традиционная свадьба состояла из следующих этапов: сговор, сватовство, смотрины, рукобитье, неделя, баня, утренние обряды венчального дня, встреча поезда, венчание, послевенечные обряды в доме жениха и обрядовые действия второго дня [Ризаханова 2001, с. 91–104].

Современный городской свадебный обряд русских Дагестана лишен некоторых указанных этапов, он более упрощен и менее продолжителен. Началом создания любой семьи является знакомство юношей и девушек. В последние десятилетия, учитывая катастрофическое сокращение русского населения в республике, это становится проблемой. Знакомятся русские юноши и девушки во время учёбы в вузе, на работе, через родственников, друзей и знакомых, на днях рождения и свадьбах, а также через гаджеты и в социальных сетях (Meta, WhatsApp, Telegram, Одноклассники, ВКонтакте) по Интернету. В 1990-е и 2000-е годы популярным у русских девушек было знакомство с военными русской национальности, расквартированными в воинских частях на территории Дагестана. Предпочтительность таких знакомств объяснялась тем, что военные всегда были желанными женихами у девушек: им нравились бравые мужчины в военной форме, с высокой зарплатой, наличием жилья и хорошим социальным пакетом. Для дагестанских русских девушек это был один из способов уехать из политически и социально-экономически нестабильной и депрессивной республики[4]. Общение может продолжаться нескольких недель и месяцев, во время которых юноша и девушка лучше узнают друг друга, выясняют крепость своих чувств и серьезность намерения создать семью. Во время ухаживания юноша приглашает девушку в кино, в кафе и ресторан или прогуляться в парке. Романтические отношения могут длиться от нескольких месяцев до одного года, после чего, решившие пожениться юноша и девушка ставят в известность о своем намерении родителей. Если родители юноши и девушки не возражают против их брачного союза, то для знакомства с ними молодых приглашают в гости. Затем происходит знакомство родителей обеих сторон. Познакомиться они могут в гостях у друг друга, а в последние годы для этого устраиваются встречи

4. Инф. Тарасенкова Ольга Владимировна, русская, 1958 г. р., пенсионер, г. Каспийск.

в кафе или ресторане. Мнение родителей юношей и девушек при их желании вступить в брак в большинстве случаев учитывается. Если же родители против брака, то молодые в большинстве случаев, вопреки их воле, всё равно женятся.

При выборе брачного партнёра русские придерживаются определенных сложившихся предпочтений и стереотипов. Юноша должен быть воспитанным, трудолюбивым, иметь образование или специальность, без вредных привычек. В девушке ценятся красота, целомудрие, скромность, трудолюбие и воспитанность.

Русские стараются выбрать себе брачного партнера своей национальности, хотя в Дагестане немало браков дагестанцев с русскими девушками, особенно если они принимают ислам. Дагестанские девушки выходят замуж за русских юношей крайне редко, что связано с религиозным запретом на брак с иноверцем.

Юноши женятся обычно после окончания вуза и устройства на работу в возрасте 22–25 лет, а девушки выходят замуж в 20–22 года и в более поздние сроки. Считается желательным, чтобы юноша был старше девушки на несколько лет. Наиболее значительная возрастная диспропорция при заключении брака составляет 10–15 лет.

В отличие от распространенной у горцев Дагестана эндогамии, у русских на родственницах не женятся. Горцы Дагестана, в отличие от большинства народов Кавказа, до сих пор придерживаются нестрогой эндогамии. Церковь также не венчает юношу и девушку, если они состоят в родственных отношениях. Венчающиеся молодые люди должны быть крещенными. Если один из них не крещён, венчание не происходит.

Желательно, чтобы юноша имел своё жильё, но это пожелание зачастую неосуществимо – не у всех молодых людей имеются состоятельные родители. Чаще всего молодые после брака снимают квартиру, пока они не накопят средств на покупку собственного жилья. В последние годы у молодежи становится популярным покупка жилья на ипотечный кредит. Бывает, что молодой паре достается по наследству квартира, оставшаяся от бабушек и дедушек. Иногда молодожёны живут вместе с родителями. По данным полевых исследований, встречаются все приведенные виды решения жилищного вопроса.

На сватовство отправляются родители, дяди, тёти, кумовья и сам жених. С собой они несут шампанское, торт и поднос с фруктами. Сторона девушки принимает их и угощает. Если родители девушки согласны выдать свою дочь замуж, то юноша дарит девушке золотое кольцо (не обручальное). На сватовстве родители обеих сторон договариваются о сроках свадьбы. Сватов отдаривают – женщин головными платками и косынками, мужчин – сорочками.

От сватовства до свадьбы проходит от нескольких месяцев до одного года, необходимых для проверки взаимных симпатий и крепости чувств. В это же время семейные коллективы готовятся к свадьбе. Сторона невесты готовит приданое, которое обычно состоит из постельных принадлежностей, мебели и посуды.

До свадьбы невеста выбирает себе свадебное платье в салоне по их прокату. Цены варьируются в пределах от 20 до 100 тыс. в сутки. Невеста перед свадьбой делает макияж и укладку. Фата сейчас одевается не всеми невестами. Жених покупает себе свадебный костюм европейского стиля. Он же покупает «символические знаки союза и любви» [Вовк 2005, с. 337] – обручальные кольца, которые освящаются в церкви, если жених и невеста крещены.

В последние 20 лет свадьбу жених и невеста проводят в залах торжеств, ресторанах или кафе и часто (для экономии) совместно. В 90-е годы XX в., в годы так называемых «либеральных экономических реформ» и в начале 2000-х годов большинство свадеб проходило в кафе или столовых школ, лицеев и колледжей, а также под шатрами во дворах домов. С установлением более стабильных экономических отношений в стране и повышением уровня и качества жизни свадьбы стали проводиться в залах торжеств.

Женятся чаще всего в летнее и осеннее время. Не женятся в мае («всю жизнь маяться будешь») и в дни пасхального поста.

Гостей на свадьбу приглашают родители молодых лично (а сейчас – по телефону и через социальные сети) и посредством пригласительных билетов. В среднем (как правило) на совместной свадьбе у жениха и невесты бывает до 200 гостей. Накануне свадьбы устраиваются *мальчишник*и и *девичник*и, где жених и невеста веселятся с друзьями перед тем, как они обретут статус женатых и замужних людей.

Утром в день свадьбы у жениха собирается свадебный поезд из нескольких престижных иномарок. Жениха в дом невесты сопровождают «дружки» и родственники. Невеста ждет жениха и его друзей, родственниц и подружек. В Кизляре до сих пор распространен термин «дружки», а в других городах Дагестана они называются «свидетелями» и «друзьями жениха и невесты».

По прибытии кортежа жениха и сопровождающей его свиты в дом невесты, её «отдают» молодому только после уплаты выкупа. Перед «выкупом» подружки невесты часто устраивают шуточные конкурсы, викторины для жениха и его друзей, требуя подарков и денег от него, перед тем как «допустить» его к невесте. Выкуп сопровождается смехом и шутливой перепалкой. Жених, занимая место рядом с невестой, дарит ей букет цветов. После этого жених и невеста выходят из её дома и садятся в украшенную цветами, шарами и лентами свадебную машину. Молодых в машине сопровождают «дружок» и «дружка». На них надевают атласные ленты с надписью «Свидетель» и «Свидетельница», а раньше на их одежду прикалывали искусственные цветы.

По пути следования в наиболее красивых местах города происходит фотосессия жениха и невесты: в Махачкале это парки «Ленинского комсомола» и «50 лет Октября»; в Каспийске – приморский парк; в Дербенте – городской парк, у фонтана на набережной, у цитадели «Нарын-кала»; в Кизляре – городской парк, парк «Дарман».

Оформление брака в ЗАГСе происходит в день свадьбы до их приезда в зал торжеств. После обмена кольцами молодые под крики «Горько» целуются. После регистрации брака в ЗАГСе крещенные молодые венчаются в церкви либо в день свадьбы, либо на следующий день. В случае развода их развенчивают. Несмотря на усиление позиций христианской религии со второй половины 90-х годов XX в., случаев венчания новобрачных в городах Дагестана немного (не более 3–4%)[5].

Затем процессия направляется в зал торжеств. У дверей зала молодожёнов встречают родители жениха с фужерами шампанского и караваем (его пекут заранее родственники жениха, а в последние годы – заказывают в пекарне или кулинарии) на рушнике (во многих семьях он хранится как реликвия и передается по наследству или же его покупают в церковных лавках или магазинах по продаже текстильных изделий[6]) – от которого, в соответствии с обычаем, жених и невеста должны отведать «хлеб-соль». Молодые пробуют шампанское, а затем разбивают фужеры. Войдя в зал, они в последние десять лет подходят к горке из хрустальных фужеров шампанского и пригубляют их, а затем усаживаются за специально отведенный для них стол на подиуме.

Свадьбой руководит тамада. В прошлом им обычно бывал близкий родственник, кум или друг отца жениха, умеющий красиво говорить и поддерживать веселье. С середины 2000-х годов, с установлением в стране более стабильных экономических отношений после разрушительных социально-экономических реформ и в связи с повышением благосостояния и качества жизни населения, тамаду стали нанимать за плату. Музыкальное сопровождение свадьбы осуществляют профессиональные музыкальные группы. В Махачкале, например, это – «Тарки-Тау», в Кизляре – «Ритмы Кавказа», в Дербенте – ансамбль Мурада Абдулаева. Приглашаются также певцы и танцоры, фотограф и видеооператор. В начале свадьбы профессиональные артисты, одетые в русские национальные костюмы, исполняют танцы. В Кизляре в этом репертуаре выступает казачий танцевальный ансамбль «Яблочко».

5. Инф. Луговой Руслан Александрович, русский, 1981 г. р., кандидат психологических наук, директор ГБУ РД «Республиканский центр русского языка и культуры» Министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан, г. Махачкала.

6. Инф. Лысенко Юлия Михайловна, русская, 1978 г. р., ученый секретарь Института ИАЭ ДФИЦ РАН, кандидат исторических наук, г. Махачкала.

Во время свадьбы звучат русская, дагестанская и зарубежная музыка, исполняются песни (особенно популярно «Обручальное кольцо»), гости танцуют вальс, дагестанскую лезгинку, «Шолохо» и др. Танцуют вальс и лезгинку жених и невеста, поверх головы которой родственники и друзья бросают деньги, достающиеся ей. В последние годы жениха после танца с невестой подбрасывают вверх. После того, как невеста станцевала с женихом, с ней танцуют его друзья.

В Кизляре задолго до свадьбы для угощения гостей готовят домашнее сухое красное вино и самогон. Традиционное меню свадебного стола здесь состояло из жареного поросёнка, нарезанных кусков свиного сала, жареной и отварной рыбы (в том числе осетрины), балыка, фаршированных мясным фаршем блинов, голубцов, жаркого, холодца (зимой), салатов, черной икры, пирогов с курагой и тёртыми грецкими орехами и др. выпечки, алкогольных и безалкогольных напитков, а с 2000-х годов в связи с интенсивным этническим взаимодействием, влиянием глобализации, интернационализацией культуры питания, формированием общего для большинства дагестанских народов набора свадебных блюд [Сефербеков 2022, с. 13] – аварского хинкала, тонких творожно-картофельных пирогов *ботищал*, люля-кебаба, долмы, жаркого из говядины с овощами.

В Дербенте на меню русской свадьбы велико влияние азербайджанской и других кухонь народов Южного Дагестана – *афарар* (тонкие пироги с зеленью, мясным фаршем, тыквой и творогом), люля-кебаб, *садж* (приготовленное в чугунной сковороде тушеное мясо с овощами), долма, сладкий плов, пахлава и др.

Следует отметить, что в последние 20 лет набор блюд на русских и дагестанских свадьбах в городах практически одинаков: аварский хинкал, пироги *ботищал*, начиненные мясным фаршем или творогом блинчики, мясные и рыбные шашлыки, жаркое, голубцы и долма, мясная и сырная нарезка, разнообразные салаты, выпечка и напитки.

Невеста привозит с собой на свадьбу торт, первым куском которого бесплатно угощают родителей жениха, а остальные – продают за деньги, которые поступают в её распоряжение. Незадолго до ухода со свадебного торжества невеста кидает букет цветов, который стараются поймать её незамужние подружки. Этот обычай, как и фотосессия жениха и невесты под свадебной аркой, появился в последние десять лет. Ближе к вечеру жених с «дружком» и невеста с «дружкой» покидают зал торжеств и направляются домой для отдыха и подготовки к первой брачной ночи.

На второй день свадьба продолжается. Если свадьба проходит во дворе дома, то в ней участвуют близкие родственники и друзья. Проводятся различные игры и забавы, например, жених возит тёщу на тачке. Гости свадьбы дарят молодым в конвертах денежный подарок – от 3 до 10 тыс. руб. Расходы

родителей на свадьбу составляют сейчас несколько сот тыс. руб. Состоятельные пары после свадьбы едут в свадебные путешествия, например, в Турцию, Египет, европейские страны.

Представленный нами материал является усредненным вариантом городской русской свадьбы. Она менее продолжительна, более унифицирована, обеднена обрядовой частью, характерной для сельской свадьбы. Унификация и утрата традиционной обрядности характерна не только для русской городской свадьбы. Это явление присуще и дагестанской свадьбе, в которой заметно угасание многих составляющих свадебной традиции.

Современная русская городская свадьба практически не отличается от такой же дагестанской свадьбы, примером чему является свадебное торжество аспирантки А.Б. в зале торжеств «Аль Амир» в г. Махачкале в 2018 г., на которую мы были приглашены в качестве гостей: кроме выступления в начале свадьбы фольклорного коллектива в русских национальных костюмах, она по структуре, музыкальному, песенному и танцевальному сопровождению, перечню блюд и напитков была практически идентична дагестанской свадьбе. Примечательно, что иногда выходящие замуж русские девушки требуют, чтобы их свадьба была проведена по более усложненному и затратному сценарию дагестанского свадебного торжества. Например, такой сценарий потребовала себе в 2010 г. О.Л. из Махачкалы, выходящая замуж в Каспийске.

На смешение русской и горской брачных традиций еще в начале XX в. обратил внимание Г.А. Ткачев, описывавший свадебный обряд гребенских казаков: «Между тем в остальном мешанина: то русское, то туземное; снаружи стрельба и джигитовка, как у горцев, перед аналоем жених *по-русски* разбивает каблуком стакан, из которого пил с невестой» [Ткачев 1912, с. 181]. На то, что свадебные обряды русских и терских казаков «отличались своеобразием, в основе которых необычное сочетание русской православной или старообрядческой традиции с сильным влиянием элементов горской кавказской свадьбы» [Мутиева 2020, с. 178], указывает и О.С. Мутиева.

Следует отметить, что для Дагестана и Северного Кавказа характерно многовековое культурное взаимодействие и взаимовлияние горского, русского и казачьего населения, которое проявлялось в межнациональных браках, куначестве, аталычестве, заимствованиях в области хозяйства, материальной и духовной культуры. Процесс взаимообусловленного культурно-адаптивного взаимодействия русских и терского казачества с автохтонным населением региона являлся важным ресурсом межэтнической толерантности, синтеза различных культур, формирования единого северокавказского мира [Иноземцева 2017, с. 80].

Итак, представленный материал свидетельствует о том, что городской свадебный обряд дагестанских русских является важным семейным и общественным мероприятием. Он испытал определенное влияние дагестанской

свадебной обрядности, которая ощущается в музыкальном, песенном и танцевальном репертуаре, меню свадебного стола. С возрастанием роли религии для верующих стало обязательным венчание крещенных молодых в церкви. В последние десятилетия появились некоторые новые свадебные обычаи (фотосессия по пути следования в зал торжеств, пробование женихом и невестой шампанского из пирамиды хрустальных фужеров, бросание невестой букета). Несмотря на это городская русская свадьба всё еще сохраняет свой неповторимый колорит, внутреннюю структуру и наполненное безудержным весельем содержание.

Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка

Несмотря на влияние урбанизации в родильной обрядности дагестанских русских сохранились традиционные обычаи и реликты древних верований, направленных на защиту жизни и здоровья матери и ребенка от козней нечистой силы, сглаза и различных болезней.

Уже на стадии беременности молодая женщина должна была соблюдать определенные запреты и предписания. Например, ей нельзя было заниматься шитьем и вязанием – в противном случает ребенок якобы мог запутаться в кишках матери или его пуповина могла обвиться вокруг шеи. Этими же работами ей нельзя было заниматься в воскресенье и на христианские праздники. Ей также возбранялось стричь и красить свои волосы, нежелательно было посещать похороны и поминки. Считалось плохой приметой заранее до рождения ребенка покупать ему одежду, кроватку и коляску.

Как и другие народы Дагестана, русские предпочитают рождение сына – «чтоб передать фамилию продолжателю рода». Однако рождение дочери так же желанно. Выписка роженицы и её ребенка из роддома является торжественным семейным событием, которое запечатлевается на фото- и видеокамеру. Родные и близкие встречают их с цветами и разноцветными шарами. Роженицу и ребенка одаривают подарками (деньги, игрушки, детская одежда). По установившейся традиции постельные принадлежности ребенку дарит его бабушка с материнской стороны (такой же обычай существует у дагестанцев-мусульман).

Дома по этому случаю накрывается праздничный стол с пирогами и выпивкой. Для восстановления подорванных родами сил роженицу потчуют куриной лапшой, черной икрой, печеными яблоками, чаем с молоком или калмык-чаем (в последние годы). Сразу же после рождения ребенка нарекают именем и при этом стараются не называть его именами родственников, умерших молодыми. В последние десятилетия с усилением позиций религии младенцев называют именами по православному календарю имён на каждый день года. В первые 40 дней после рождения к ребёнку не подпускают посто-

ронних лиц, особенно побывавших на кладбище, а к его одежде как оберег прикалывают золотую булавку. Соблюдаются и другие общеславянские запреты: ребенка к зеркалу не подносят – «испугается» [Толстая 1994, с. 118].

Тот, кто первым увидел прорезавшийся молочный зуб у ребенка, преподносит ему какой-нибудь подарок – «на зубок», а родители дарят малышу серебряную ложку. Во многих семьях выпавший молочный зуб ребёнка завязывают в узелок и кладут ему под подушку. Утром он находит там подарок, будто бы положенные ему *Зубной феей*. Раньше русские клали выпавший молочный зуб ребенка в мышиную норку со словами: «На тебе мышка костяной зуб, а мне дай – золотой!». Некоторые мамы сейчас хранят этот зуб у себя в шкатулке вместе с прядью состриженных утробных волос и биркой с именем младенца, которую привязывают к запястью его руки в роддоме.

У горожан Кизляра сохраняется старинный запрет [Балов, 1901, с. 100] – пока ребенку не исполнится год, ему не стригут ногтей из-за опасения, что «он может вырасти вором». Примечательно, что такое же опасение существовало и у лезгин [Мусаева 2007, с. 98]. Обычно мать ребенка откусывает их своими зубами (г. Кизляр)[7]. Первая стрижка ребенка от утробных волос происходит в годовщину его рождения (у дагестанцев-мусульман – на 40-й день после рождения) или сразу же после крещения.

С середины 90-х годов XX в. крещение ребенка у дагестанских русских является значимым религиозным и семейно-бытовым обрядом. До обряда крещения выбираются крестные родители. Это, как правило, близкие родственники или друзья семьи. Обычно, крёстного отца подбирает папа ребенка, а крёстную мать – его мама. Крёстные приходятся друг другу кумовьями. Они должны приобрести для ребенка крестильный наряд, полотенце и нательный крест. В день крещения бабушки и родители ребенка готовят праздничный стол для гостей после крестин. Этот день называется *именины*, так как при крещении ребёнку дают православное имя. Сами крестины назначаются на день рождения какого-нибудь православного святого. После крещения с ребенка состригают утробные волосы. У русских с давних пор существует обычай бросать состриженную с головы ребенка прядь волос в купель. Если она затем всплывает, – «он будет жить долго» [Балов 1901, с. 100]. Крестильные волосы заворачивают в ткань и кладут под подушку в детской кроватке как оберег от сглаза и болезней.

При первых шагах ребенка ножом или ножницами режут путы, будто бы связывающие его ноги – «чтоб красиво и уверенно шёл по жизни и крепко стоял на ногах». У ногайцев во время обряда «развязывания ног» ребенку связывали ноги верёвкой, а затем одна из женщин, славившаяся красивой

7. Инф. Бондаренко (Копаева) Надежда Владимировна, русская, 1961 г. р., директор Кизлярской районной библиотеки.

походкой, развязывала их [Мусаева, 2007, с. 103]. Этот обряд повсеместно бытовал на Северном Кавказе [Смирнова, 1983, с. 72].

Итак, как это видно, в родильной обрядности дагестанских русских сохранилось множество традиционных верований и запретов. Под влиянием глобализации появились некоторые новые (связанные с верой в *Зубную фею*) обычаи. В то же время в ней велико влияние христианской религии, что объясняется усилением её роли в семейно-бытовой обрядности в последние десятилетия.

Похоронные обряды

Как отмечают исследователи, после распада СССР происходит стремительная трансформация содержательной и формальной части похоронного обряда, спровоцированная конкретными экономическими факторами, изменениями социальной организации общества, идеологической неопределенностью посттоталитарного периода [Соколова 2013, с. 193]. Однако в условиях Дагестана в нём сохраняется довольно значительный господствующий пласт православной похоронной традиции с некоторыми сохранившимися реликтами прежних религиозных форм.

В соответствии со сложившейся у русских культурой смерти, к ней, как к неизбежному, готовились заранее. Старики заблаговременно откладывали деньги на свои похороны, готовили завещание и погребальную одежду, а некоторые – гробы для себя и место на кладбище.

Со смертью у дагестанских русских связаны и некоторые приметы. Например, приметой смерти «кровного» родственника считался сон, в котором с кровью выпадал зуб. Такая же примета существовала у русских Москвы: «если зуб выпадал с кровью – к потере “кровного” родственника, если же без крови – к потере друга» [Энциклопедия суеверий 1995, с. 163]. В случае, если ночью снился покойник, то на утро, чтобы застраховать себя и своих близких от смерти, следовало раздать сладости чужим детям. Как свидетельствуют старожилы, умирающий осознает приближение своей кончины и говорит о ней своим близким: «Я уже вижу путь», «А мне уже место показали, где я буду на том свете» (Кизляр).

Русские Дагестана «хоронили умерших по обычаям православных христиан – в гробу, с надмогильным крестом, с панихидой и отпеванием, с оплакиванием, поминальными трапезами и др.» [Лугуев и др. 2002, с. 551].

Перед смертью к умирающему приглашают православного священника, которому он исповедуется. Умирающий прощается со своими близкими и просит у них прощение за нанесенные обиды. Полагают, что после смерти отлетевшая из тела душа («она маленькая и трепетная») остаётся в доме покойного три дня (Кизляр) или 40 дней (Махачкала, Дербент).

В комнате, в которой умер человек, на 40 дней зажигают лампадку. В Дербенте в комнате покойного на столе устанавливают фотопортрет покойного, рядом с которым устанавливают горящую свечку и стакан с водой (её меняют каждый день) с куском хлеба (его не трогают пока он не высохнет) поверх него. Вода и хлеб для покойника остаются там в течение 40 дней, во время которых душа умершего будто бы посещает эту комнату и вкушает эту пищу.

К наиболее устойчивым и широко распространенным как у дагестанских русских, так и у всех славянских народов относится обычай «(закрепившийся и в современном городском обиходе) сразу же после кончины занавешивать зеркало, отворачивать его к стене или даже выносить из того помещения, в котором находится покойник» [Толстая 1994, с. 112]. До начала 90-х годов XX в. сразу же после смерти человека вместе с зеркалами занавешивали и телевизоры, просмотр передач которых на время траура приостанавливался (таких же правил придерживались и мусульмане).

Обмывают покойника в его доме. Обмывающие покойника не должны приходиться ему родственниками. Им за эту процедуру дарят деньги (1000 руб.), новое полотенце и мыло. Воду, в которой обмывали покойника, выливают в укромное место, куда не ступает нога человека (например, в палисадник у дома[8]). Бывает, что эту воду выливают в унитаз[9]. После того, как покойника обмыли, его обряжают в чистое бельё, на мужчину надевают костюм, а на женщину – платье.

После омовения на лоб покойника надевают *венчик* – бумажную или тканевую повязку с изображением Иисуса Христа, Богородицы и Иоанна Крестителя Предтечи с текстом. Этот венчик целуют при прощании с покойным. В его руки вкладывают Распятие (которое надо целовать при прощании). Покойника накрывают красивым кружевным покрывалом.

Хоронят умершего в гробу на третий (а в последние годы – на второй) день после полудня. Перед похоронами ему связывают руки и ноги и подвязывают челюсть. Если он умер с открытыми глазами, то их закрывают и на них кладут монеты. После того как гроб помещают в могилу, конечности и челюсть покойника освобождают от пут. Веревки, которыми связывали покойника, кладут ему в гроб. Перед похоронами покойника в гробу заносят в часовню (Кизляр). На следующий день его отпевают, а затем несут на кладбище. Умершего могут отпеть и дома, пригласив для этого священника.

Тем, кто хоронит покойника на левую («символ иного мира» [Иванов 1994, с. 44]) руку в районе плеча повязывают носовой платок. Он служит как

8. Инф. Лысенко Юлия Михайловна, русская, 1978 г. р., ученый секретарь Института ИАЭ ДФИЦ РАН, кандидат исторических наук.

9. Инф. Зуева Екатерина Михайловна, 1955 г. р., оператор АСУП Каспийского завода «Дагдизель».

бы опознавательным знаком, чтобы люди знали, кто должен подойти, чтобы нести гроб. А ещё этот платок нужен для того, чтобы им вытирать пот или руки после того, как гроб забросают землей в могиле.

Могила в день похорон украшается букетами цветов и венками. На венках прикрепляют траурные ленты, на которых бывает написано от кого они. На могилу ставятся свечи и лампадки, крест перевязывают платком или полотенцем. Часто во время похорон у могилы произносятся прощальные речи, родственники целуют усопшего и плачут по нему. После прощания крышку гроба заколачивают гвоздями и опускают на веревках или полотенцах в могилу, затем пришедшие на похороны кидают горсти земли на гроб, после чего её засыпают землей лопатами и устанавливают крест, укладывают венки и цветы.

Во время похорон принято бросать горсти земли на опущенный в могилу гроб. Этот обычай возник из представления о том, что «принимающая покойника *мать-сыра земля* считалась чудотворной, поэтому присутствующие на похоронах стремились приложить к ней руку, чтобы очиститься от возможных будущих несчастий» [Капица 2001, с. 37].

Людям, пришедшим с кладбища на поминки в дом покойного, перед порогом ставят кувшин с водой и мыло. Руки надо обязательно помыть за порогом (порог – «граница миров» [Толстая 1994, с. 112], с которым в русской традиции связано множество суеверий [Энциклопедия суеверий 1995, с. 342]) жилища, как бы очищаясь от кладбища. Моют и обувь. В гигиенических целях после выноса тела покойника для похорон на кладбище моют полы в его доме.

После погребения на могиле устанавливают временный памятник, который через некоторое время меняют на постоянный. Желательно, чтобы на могиле был установлен деревянный крест, но устанавливают также и металлический, и гранитный или мраморный памятник. На нём указываются имя и фамилия усопшего, его даты рождения и смерти и прикрепляется фотография. Вокруг могилы и памятника устанавливается металлическая ограда.

Поминками называются совершаемые в память об умершем обряды. Главным из них является устраиваемая непосредственно после погребения и в определенные сроки поминовения родственниками в доме покойного или на кладбище коллективная трапеза [Толстая 2009, с. 168]. Поминки устраиваются дома у покойного сразу же после его похорон, а также на 9-й (сакральное у славян число [Рыбаков, 1987, с. 176]) и 40-й дни и на годовщину (у мусульман Дагестана – на 3-й, 7-й, 40-й, 52-й дни и на годовщину). Сразу же после похорон уполномоченный от семьи умершего официально приглашает на поминальную трапезу всех участвовавших в похоронах и пришедших на соболезнование. На поминках в 9-й и на 40-й дни участвуют только самые близкие семье умершего.

На поминках угощают «первым» – постный борщ, суп-лапша с курицей; «вторым» – плов, тушеное мясо, жареная курица или рыба, колбасная нарезка, пирожки с капустой, фасолью, рисом, яйцами или картошкой; «третьим» – компот из сухофруктов. В Дербенте поминальным блюдом является *кутья* – сладкая рисовая каша с изюмом. В последние годы поминки устраиваются в столовых и кафе. Если поминают в среду или в пятницу (постные дни) и в дни христианских постов, то мясного не едят. На поминках на столах не принято класть колющие и режущие столовые приборы – вилки и ножи, а кладут только ложки. В прошлом у древних славян «поминки с приносом ритуальной еды на кладбище» был «важной составной частью древних языческих представлений», связанных с культом предков [Рыбаков 1987, с. 120]. Официально, по церковным канонам, употребление алкоголя на поминках запрещено, но неофициально его употребляли еще с советских времен[10]: например, в Дербенте допускалось выпивать 50 граммов водки или стакан красного вина[11], в Кизляре в советские времена пили домашнее вино, а сейчас – и вино, и водку, и коньяк[12]. Выпивают на поминках в Махачкале[13], Каспийске[14] и других городах республики.

Родственницы умершего в знак траура по нему 40 дней (а иногда и год) носят одежду черного (символ смерти [Вовк 2005, с. 45]) цвета. В доме покойного не слушают музыку, не включают телевизор и не посещают увеселительных мероприятий (такие же ограничения во время траура соблюдают и мусульмане).

Русских в городах Дагестана хоронят на так называемых «русских кладбищах». В Махачкале их три. Одно их них расположено в «Первой Махачкале», по ул. Маяковского, № 54. Другое – более известное как «Старое русское кладбище», расположено в центре столицы, по проспекту Гайдара Гаджиева, № 8, и считается «престижным». Похороны на нём затруднены ввиду почти полного отсутствия свободного места для новых захоронений. На этом кладбище имеются и воинские захоронения умерших в годы войны от ран

10. Инф. Луговой Руслан Александрович, русский, 1981 г. р., кандидат психологических наук, директор ГБУ РД «Республиканский центр русского языка и культуры» Министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан.

11. Инф. Смаглюк Ирина Петровна, русская, 1962 г. р., заместитель директора Дербентского государственного историко-архитектурного и археологического музея-заповедника.

12. Инф. Бондаренко (Копаева) Надежда Владимировна, русская, 1961 г. р., директор Кизлярской районной библиотеки.

13. Инф. Нужная Елена Владимировна, русская, 1976 г. р., ведущий документовед Института ИАЭ ДФИЦ РАН.

14. Инф. Зуева Екатерина Михайловна, 1955 г. р., оператор АСУП Каспийского завода «Дагдизель».

пациентов госпиталей. В последние десятилетия умерших хоронят на «Интернациональном кладбище», расположенном на окраине Махачкалы, где для захоронения русских выделен специальный участок.

В Дербенте русское кладбище расположено в исторической части города на улице Дрожжина, недалеко от мусульманского кладбища «Кирхляр». Гранитные и мраморные памятники здесь изготавливаются в специализированных мастерских, а гробы заказываются мастерам, работающим на армянском кладбище. За помощью в ритуальных услугах местные русские обращаются в Дербентскую православную церковь.

В Кизляре действует большое старое «Русское кладбище». В Каспийске «Русское кладбище» находится на окраине города, по улице Кирова. На территории этого кладбища также имеются воинские захоронения скончавшихся от ран советских солдат и офицеров, лечившихся во время войны в госпиталях Каспийска и даже «немецкое кладбище», умерших от болезней военнопленных. На «немецком кладбище» в 90-е годы XX в. был установлен большой металлический крест.

В последние десятилетия в городах республики появились конторы по оказанию ритуальных услуг, которые за соответствующую плату помогают выкопать могилу, обмыть покойника, подготовить гроб, крест, венки и катафалк. Данное обстоятельство в какой-то мере подтверждает тезис А.Д. Соколовой о том, что «в постсоветскую эпоху похоронный обряд оказался вне рамок целенаправленного вмешательства государства и общественных институций, но вошел в сферу действия рыночных отношений, которые в предшествующие эпохи не оказывали определяющего воздействия на структуру похоронного обряда» [Соколова 2013, с. 194].

В определенные дни (на Радоницу, в Дмитровскую субботу, в субботы Великого поста) женщины посещают могилы умерших родственников. По пути на кладбище и возвращаясь с него они раздают встречным печенье и конфеты. В память о покойном ставят свечку в церкви «за упокой души умершего», а в субботу заказывают заупокойную литургию. Посещают кладбище и в другие дни, например в день рождения умершего: носят ему на могилу цветы, заказывают в церкви панихиду и литургию.

Итак, как это видно, похоронный обряд русских Дагестана проводится в основном по христианскому ритуалу. В нём присутствуют и некоторые сохранившиеся приметы и поверья, являющиеся реликтами традиционных верований и ритуалов.

Заключение

Таким образом, анализ современного брака и семейно-бытовых обрядов русских горожан Дагестана показал их синкретический характер: в них традиционная обрядность переплетается с элементами подвергшейся трансфор-

мации городской культуры, православием и рудиментами дохристианских представлений. Влияние христианской религии доминирует в похоронных обрядах и в некоторой степени присутствует в свадебных (венчание) и родильных (крещение, имянаречение) обрядах. В родильных и похоронных обрядах сохранились реликты домонотеистических верований. Определенное влияние (особенно в этноконтактных зонах) на семейно-бытовую обрядность русских оказало иноэтническое влияние местного населения, которое особенно велико в свадебной обрядности.

Успешное функционирование и воспроизводство семейно-бытовой обрядности русского городского населения Дагестана способствует сохранности этнической, культурной и религиозной идентичности русских в эпоху глобализации.

Список информаторов:

г. Махачкала

1. Кирилова Людмила Сергеевна, русская, 1947 г. р., пенсионер.
2. Луговой Руслан Александрович, русский, 1981 г. р., кандидат психологических наук, директор ГБУ РД «Республиканский центр русского языка и культуры» Министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан.
3. Лысенко Юлия Михайловна, русская, 1978 г. р., ученый секретарь Института ИАЭ ДФИЦ РАН, кандидат исторических наук.
4. Нужная Елена Владимировна, русская, 1976 г. р., ведущий документовед Института ИАЭ ДФИЦ РАН.

г. Кизляр

1. Бондаренко (Копаева) Надежда Владимировна, русская, 1961 г. р., директор Кизлярской районной библиотеки.
2. Мстиславская Любовь Александровна, русская, 1963 г. р., директор Кизлярского городского краеведческого музея.
3. Шевченко Раиса Федоровна, русская, 1946 г. р., свечница Свято-Георгиевского собора в г. Кизляр.

г. Каспийск

1. Зуева Екатерина Михайловна, 1955 г. р., оператор АСУП Каспийского завода «Дагдизель».
2. Паршина Татьяна Борисовна, русская, 1962 г. р., учительница русского языка и литературы Каспийской средней общеобразовательной школы № 7.
3. Тарасенкова Ольга Владимировна, русская, 1958 г. р., пенсионер.

г. Дербент

1. Алексеева Ирина Александровна, русская, 1960 г. р., пенсионер.

2. Мосесова Карина Юрьевна, армянка, 1971 г. р., ученый секретарь Республиканского музея истории мировых культур и религий в Дербенте.

3. Смаглюк Ирина Петровна, русская, 1962 г. р., заместитель директора Дербентского государственного историко-архитектурного и археологического музея-заповедника.

Библиография

Балов А.В. Очерки Пошехонья: Верования // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 81–134.

Верешагина А.В., Шахбанова М.М. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе // Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 50. С. 65–71.

Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций. М.: «Вече», 2005. 384 с.

Газиева А.А., Сефербеков Р.И., Халидова О.Б. История изучения русского населения Дагестана и терского казачества (XVIII – начало XXI в.): историко-библиографический обзор // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 1. С. 142–173.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд., доп. и испр. М.: ИС РАН, 2010. 592 с.

Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): историко-этнографические очерки. М.: Издательство Московского университета, 1974. 421 с.

Иванов В.В. Левый и правый // Мифы народов мира: энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. В 2-х томах. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 43–44.

Иноземцева Е.И. Культурное и хозяйственно-экономическое наследие терского казачества как ресурс межэтнической толерантности на Северо-Восточном Кавказе // Материалы региональной научной конференции «Фольклор в семейной и общинной жизни нижнетерского казачества». Махачкала: «Радуга», 2017. С. 71–82.

Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 216 с.

Лугуев С.А., Мансуров М.Х. Русские // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 548–552.

Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 252 с.

Мутиева О.С. Влияние иноэтнической среды на семейный быт и свадебную обрядность терских казаков // Терский сборник. Изд. 2-е, доп. и испр. Екатеринбург: Издат. решения Ridero, 2020. Вып. 2. С. 176–184.

Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2001. 190 с.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.

Сефербеков Р.И. Современная культура питания сельского населения Дагестана: традиционное и новое // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2022. Том 37. Вып. 1. С. 7–23.

Сефербеков Р.И., Булатов Б.Б., Зульпукарова Э.М.-Г., Гасанова М.А., Сефербеков М.Р. Антропология дагестанского города: влияние глобализации на трансформацию культуры и

быта горожан Дагестана в постсоветский период / Отв. ред. А.Г. Далгатов. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2021. 262 с.

Смирнова Я.С. Семья и семейный быт у народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX – XX в. М.: Наука, 1983. 264 с.

Соколова А.Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI вв. (на материалах Владимирской области): дис. к. ист. н. М.: ИЭА РАН, 2013. 303 с.

Ткачев Г.А. Станица Червленная: Исторический очерк. – Владикавказ: Тип. Терского Обл. Правления, 1912. 244 с.

Толстая С.М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор: Верования, текст, ритуал. М.: Наука, 1994. С. 111–129.

Толстая С.М. Поминки // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. В 5-ти томах. М.: «Международные отношения», 2009. Т. 4. С. 168.

Трут В.П. Казаки терские // Народы Юга России: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Озерова. Ростов-на-Дону: «Фонд науки и образования», 2016. С. 259–262.

Энциклопедия суеверий / Сост. Э. и М.А. Рэдфорд, Е. Миненок; пер. Д. Гайдук. М.: Миф: Локид, 1995. 560 с.

References

BalovA.V. Ocherki Poshehon'ja: Verovanija [Essays by Poshekhonya: Beliefs]. Jetnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 1901. N 4. P. 81–134. (In Russ.)

Vereshagina A.V., Shahbanova M.M. Formirovanie novyh semejnyh cennostej i otnoshenij v sovremennom rossijskom obshhestve [Formation of new family values and relationships in modern Russian society]. Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra [Bulletin of the Dagestan Scientific Center]. 2013. N 50. P. 65–71. (In Russ.)

Vovk O.V. Znaki i simvoly v istorii civilizacij [Signs and symbols in the history of civilizations]. M.: «Veche», 2005. 384 p. (In Russ.)

Gazieva A.A., Seferbekov R.I., Halidova O.B. Istorija izuchenija russkogo naselenija Dagestana i terskogo kazachestva (XVIII – nachalo XXI v.): istoriko-bibliograficheskij obzor [History of the study of the Russian population of Dagestan and the Terek Cossacks (XVIII – early XXI century): historical and bibliographic review]. Jelektronnyj zhurnal «Kavkazologija» [Electronic journal «Caucasology»]. 2023. N 1. P. 142–173. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-142-173. EDN: CIUYOA. (In Russ.)

Gorshkov M.K., Sheregi F.Je. Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret. [Youth of Russia: a sociological portrait]. 2nd ed., expanded and corrected. M.: IS RAN, 2010. 592 p. (In Russ.)

Zasedateleva L.B. Terskie kazaki (seredina XVI – nachalo XX v.): istoriko-jetnograficheskie ocherki [Terek Cossacks (mid-16th – early 20th centuries): historical and ethnographic essays]. M.: Moscow University Publishing House, 1974. 421 p. (In Russ.)

Ivanov V.V. Levyj i pravyj [Left and right]. Mify narodov mira: jenciklopedija / Gl. red. S.A. Tokarev. V 2-h tomah [Myths of the peoples of the world: encyclopedia / Chief ed. S.A. Tokarev. In 2 volumes]. M.: Russian encyclopedia, 1994. Volume. 2. P. 43–44. (In Russ.)

Inozemceva E.I. Kul'turnoe i hozjajstvenno-jekonomicheskoe nasledie terskogo kazachestva kak resurs mezhjetnicheskoj tolerantnosti na Severo-Vostochnom Kavkaze [Cultural and economic heritage of the Terek Cossacks as a resource of interethnic tolerance in the North-Eastern Caucasus]. Materialy regional'noj nauchnoj konferencii «Fol'klor v semejnoj i obshhinnoj zhizni nizhneterskogo kazachestva» [Proceedings of the regional scientific conference «Folklore in the family and community life of the Nizhny Terek Cossacks»]. Mahachkala: «Rainbow», 2017. P. 71–82. (In Russ.)

Kapica F.S. Slavjanskie tradicionnye verovanija, prazdniki i ritualy: Spravochnik [Slavic traditional beliefs, holidays and rituals: Directory]. 3rd edition. M.: Flinta: Science, 2001. 216 p. (In Russ.)

Luguev S.A., Mansurov M.H. Russkie [Russians]. NarodyDagestana / Otv. red. S.A. Arutjunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva [Peoples of Dagestan / Responsible ed. S.A. Arutyunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva]. M.: The science, 2002. P. 548–552.

Musaeva M.K. Jetnografija detstva narodov Dagestana (Tradicii narodov Ravninnogo i Juzhnogo Dagestana) [Ethnography of childhood of the peoples of Dagestan (Traditions of the peoples of the Plain and Southern Dagestan)]. Mahachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2007. 252 p. (In Russ.)

Mutieva O.S. Vlijanie inoj etnicheskoj sredy na semejnyj byt i svadebnuju obrjadnost' terskih Kazakov [The influence of a foreign ethnic environment on the family life and wedding rituals of the Terek Cossacks]. Terskij sbornik. Izd. 2-e, dop. iispr. [Terek collection. Ed. 2nd, add. and correct]. Ekaterinburg: Publishing house. Ridero solutions, 2020. Vol. 2. P. 176–184. (In Russ.)

Rizahanova M.Sh. Dagestanskie russkie. XIX – nachalo XX v.: Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie [Dagestan Russians. XIX – early XX centuries: Historical and ethnographic research]. Mahachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2001. 190 p. (In Russ.)

Rybakov B.A. Jazychestvo drevnejRusi [Paganism of ancient Rus']. M.: The science, 1987. 782 p. (In Russ.)

Seferbekov R.I., Bulatov B.B., Zul'pukarova Je.M.-G., Gasanova M.A., Seferbekov M.R. Antropologija dagestanskogo goroda: vlijanie globalizacii na transformaciju kul'tury i byta gorozhan Dagestana v postsovetskij period / Otv. red. A.G. Dalgatov [Anthropology of the Dagestan city: the influence of globalization on the transformation of the culture and life of the citizens of Dagestan in the post-Soviet period / Responsible ed. A.G. Dalgatov]. Mahachkala: Publishing house of Dagestan State University, 2021. 262 p. (In Russ.)

Seferbekov R.I. Sovremennaja kul'tura pitanija sel'skogo naselenija Dagestana: tradicionnoe i novoe [Modern food culture of the rural population of Dagestan: traditional and new]. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Dagestan State University. Series 2. Humanities]. 2022. Volume 37. Issue. 1. P. 7–23. (In Russ.)

Smirnova Ja.S. Sem'ja i semejnyjbyt u narodov Severnogo Kavkaza. Vtoraja polovina XIX – XX v. [Family and family life among the peoples of the North Caucasus. Second half of the 19th – 20th centuries]. M.: The science, 1983. 264 p. (In Russ.)

Sokolova A.D. Transformacii pohoronnoj obrjadnosti u russkih v XX–XXI vv. (namaterialah Vladimirskojo blasti): dis. … k. ist. n. [Transformations of funeral rituals among Russians in the 20th – 21st centuries. (based on materials from the Vladimir region): dissertation of a candidate of historical sciences]. M.: IEA RAS, 2013. 303 p. (In Russ.)

Tkachev G.A. Stanica Chervlennaja: Istoricheskij ocherk [Stanitsa Chervlennaya: Historical sketch]. Vladikavkaz: Type Tersky Region Board, 1912. 244 p. (In Russ.)

Tolstaja S.M. Zerkalo v tradicionnyh slavjanskih verovanijah i obrjadah [Mirror in traditional Slavic beliefs and rituals]. Slavjanskij i balkanskij fol'klor: Verovanija, tekst, ritual [Slavic and Balkan folklore: Beliefs, text, ritual]. M.: The science, 1994. P. 111–129. (In Russ.)

Tolstaja S.M. Pominki [Wake]. Slavjanskie drevnosti: jetnolingvisticheskij slovar' / Pod obshh. red. N.I. Tolstogo. V 5-ti tomah [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary / Under the general editorship N.I. Tolstoy. In 5 volumes]. M.: «International relationships», 2009. Volume. 4. P. 168. (In Russ.)

Trut V.P. Kazaki terskie [Terek Cossacks]. Narody Juga Rossii: Jenciklopedicheskij slovar' / Pod red. A.A. Ozerova [Peoples of the South of Russia: Encyclopedic Dictionary / Edited by A.A. Ozerova]. Rostov-na-Donu: «Science and Education Foundation», 2016. P. 259–262. (In Russ.)

Jenciklopedija sueverij / Sost. Je. i M.A. Rjedford, E. Minenok; per. D. Gajduk [Encyclopedia of superstitions / Comp. E. and M.A. Radford, E. Minenok; translation by D. Gaiduk]. M.: Myth: Lockeed, 1995. 560 p. (In Russ.)